

Что такое и на чём основывается познание бога Матильдой Лудендорф

Барон Франц Карг фон Бебенбург

Познание бога Матильдой Лудендорф, это основывающееся на синтезе разума и интуитивного восприятия, расширение наших знаний.

Синтез здесь есть слияние двух областей, которые сами по себе не имеют ничего общего, но вместе с тем могут друг друга осмысленно дополнять.

Предложение: *» Познание бога Матильдой Лудендорф, это основанное на синтезе разума и интуитивного восприятия, расширение наших знаний»,* говорит о том, что не все знания, не все признаки обобщаются одним разумом и восприятия нашей души приводят к познаниям. Это предложение утверждает, что человек обладает двумя различными способами познания: способностью думать, то есть разумом и способностью душевного восприятия. Если Декарт говорит: *»Я думаю, значит я существую»,* Матильда Лудендорф добавляет: *» Я воспринимаю, значит я существую!»*

Что разум может мир и его законы познать, понятно каждому человеку. Он находит это вполне естественным. Об этом сегодня уже почти не спорят. Но это не всегда было так. Достаточно вернуться лишь десять поколений назад в европейскую историю, разум там не являлся надёжным средством для распознавания правды. Жертвой инквизиции стали те, кто не соглашался с отцом церкви Тертулианом, который говорил:

«И умер божий сын; это правдоподобно, потому что это нелепо. И погребённый он встал это естественно, потому что это нелепо!»

Исходя из этого появилась поговорка: *»Credo quia absurdum est».* (*«Я в это верю, потому что это абсурдно».*)»

Сомнения в том, сможет ли разум познать правду не только в области религии, но и в материальном мире, очень древни. Ещё греческий философ Платон сомневался в реальном познании. Он сравнивал картины нашего сознания с

теньями, которые бросает пламя на стены в пещере. Мы можем видеть только тени, но не предметы и существа их отбрасывающие.

Древние индейцы были убеждены, что мир это только отражение. Великие майя и современная атомная физика учат насколько это верно и как сильно органы чувств нас подводят. То что мы видим как предполагаемый твёрдый предмет, в действительности пустой объём, в котором мирриады электронов бушуют вокруг своих орбит, а так называемая материя, есть ни что иное как энергия.

Как возможно здесь распознать закономерность и истину? И как человек вообще хочет познавать? Кто скажет нам, что это верно, что мы как верное видим? Что такое истина и как я её распознаю? Трудный вопрос над, которым наши лучшие философы ломали головы.

У нас людей есть глаза, уши, органы обоняния и осязания. Через них мы воспринимаем и ощущаем, что вокруг нас происходит. Из ощущений формируются реальные восприятия. Из реальных восприятий возникают представления, из представлений образуются понятия создающие в заключении картину мира.

Эта картина, соответствует ли она действительности?

Ведь эта картина существует только в нашем сознании! Но наше сознание находится в нас, в голове, в нашем разуме. Мы не можем наше сознание покинуть, не можем из него выйти как из комнаты. Мы не можем подсмотреть соответствует ли картина в нашем сознании действительности. Монада без дверей и окон, назвал это философ. Это очень сложный предмет наше разумное познание.

Только наивный реалист не задумывается над этим. Он твёрдо верит, что мир точно такой каким он его воспринимает. В основе своей мы все такие реалисты. Таким образом я не смогу вас разубедить, что вы меня в этом помещении можете видеть и слышать.

Научный реалист скажет вам: «Глубоко ошибочно!» То что вы как свет в различной окраске и освещённости реально воспринимаете и верите, есть ни что иное как воздействие волн различной длины, которые в неосвещённом помещении попадают на сетчатку глаза и оттуда через нервные окончания вызывают в сознании впечатления световых явлений. Острого зрения далеко не достаточно, чтобы увидеть атомы или хотя бы огромные молекулы,

состоящие из миллионов атомов и прыгающие на барабанной перепонке молекулы воздуха, не могут вызывать у нас слухового раздражения.

Мой голос, который вы слышите, покоится на звуковых волнах, которые у вас в уме вызывают впечатление звуков. Как здесь возможно познать истину и закономерность

Иммануил Кант выполнил в этом направлении огромную подготовительную работу.

Кант ввёл основополагающее различие. Он различает в своих философских работах между миром явлений и предметом в себе. Он отделяет явление от сути явления и говорит, что мы можем нашим разумом только само явление, но не суть явления познать. Суть явления и, что это такое, он оставляет абсолютно открытым. Он видит здесь границы разумного познания. За этой границей лежит для него и, так называемый представляемый религиозный мир. Поэтому он получил прозвище «Alleszermalmer», «опровергающий догмы». Тем самым Кант исключил какое бы то ни было смешивание разумного познания с религиозными предположениями.

Затем Кант занялся исследованием вопроса насколько и соответствуют ли вообще, отображённая в сознании картина, предмету. Он исследовал также вопрос, совпадают ли представления о мире, которые делает каждый человек в отдельности, и могут ли они взаимопонимать друг друга. То есть «Стол», который я себе представил, соответствует ли он тому столу, который вы себе как стол представляете

и как я с вами об этом изъясняюсь.

Кант ответил на эти вопросы, выяснив при этом, что наше мышление и наше представление подлежат определённым принципам познания. Это есть принципы объёма и времени. То что не обладает пространственностью, не заполняет объём, не является предметом – мы не в состоянии себе представить.

Точно так же обстоит с фактором времени. Даже в фантазии не возможно, представить или выдумать явление, которое не занимало бы время, каким бы незначительным оно не было. Все наши представления и всё наше мышление подлежит этим принципам познания. Кант утверждает так же, что эти принципы познания человек не сам выдумал, что они с самого начала предшествовали человеческому мышлению.

Матильда Лудендорф пишет по поводу этой проблемы:

«В моём познании объём и время, как это открыл Кант, и ,наконец, каузальная связь «(связь причины и действия), на которые указывал Шопенгауер, априорная форма познания нашего разума. Она упорядочивает мир явлений в соответствии с этими формами настолько принудительно, что сама была бы абсолютно не способной от одной из этих форм отклониться.»

Произведите опыт, если предположим , что вам на голову упадёт яблоко, или кто-то заденет вас снежком, если звук достигнет вашего уха, вы услышите звонок телефона или звучание колокольчика у входной двери, то вы даже не сможете иначе и сразу же свяжете действие с причиной (кто то стоит у двери или кто то звонит.) Действие сразу же становится причиной другого действия в результате, которого вы снимаете трубку или открываете входную дверь. Вы должны были бы полностью выключить своё сознание, чтобы это событие произошло без разумного вмешательства.

Матильда Лудендорф делает ударение:

«В отличие от философов (Кант и Шопенгауер), я в своих произведениях делала ударение на то, что мир явлений не только нашим разумом задолго до времени и объёма упорядочен, что он действительно этим формам подчинён и причём настолько, что явление в этом построении уже связано с предпосылкой. Не может быть и речи, что такое построение только в нашем представлении существует!

Третья казуальная форма, которая применена этой мыслящей силой а priori, была и другими философами признана, как реальность в мире явлений.»

Итак, разум способен стать органом познания, потому и настолько насколько принципы познания и принципы существования между собой соответствуют. В моём сознании правят время, объём и причина и за его пределами, в мире, они правят точно также. Так как вселенная, или по выражению Матильды Лудендорф, мир явлений упорядочен в объёме и времени и подчинён законам причины и действия, и так как наше мышление по этому же пути идёт, то разум становится приемлемым органом познания человечества в мире явлений.

Эту логику мы можем повернуть и сказать, где принципы познания и принципы существования не совпадают, познание не возможно. Отсюда Кант установил, что разум увязанный с формами познания объёмом, временем и причиной, не

может делать высказываний в отношении феноменов, которые не выстроены и не подлежат этой форме существования, то есть стоят выше.

Сделаем себе предмет этого построения во времени, объеме и причине более понятным. Это построение космоса в условиях времени и объема и цепь законов причины и действия, Кант называет принципом необходимости. Необходимость означает, что все события происходят в определенное время, то есть выстраиваются с течением времени. Необходимость означает, что это событие происходит в определенном месте и необходимость означает, что она имеет какую-то причину. В мире необходимости господствует неизбежное принуждение, отсутствуют свобода и проявление свободного желания.

В этом мире явлений разум становится идеальным инструментом познания. Он в состоянии сформироваться из впечатлений органов чувств, восприятий и представлений, он развивает из представлений понятия с помощью, которых он упорядочивает мир явлений, познаёт его законы и может в нём ориентироваться. Его высшим достижением является проникновение в мир идей, которые он уважает, но порог которого переступить и охватить в своём существе не в состоянии. Разум не может дать определение добру, правдивости и красоте.

На этом пороге начинается другой мир, мир восприятия душой. Если уже нелегко мир разума и его принадлежность к органам познания и расширения границ представить, то насколько же сложнее становится представить и описать словами то, что принципами познания разума охватить не возможно.

И всё же я хочу попытаться. При ознакомлении с философией Матильды Лудендорф, мне было в ту пору двадцать четыре, ключевым событием для меня стали противоречия с материализмом в общем и с дарвинизмом в особенности, о которых я читал в её произведении *«Триумф бессмертного желания»*

Она обращает внимание, что материалистические попытки объяснить красоту растений и животных вводят в заблуждение, согласно которому они существуют благодаря их полезности. Скорее всего полезность является врагом желания красоты, которая везде пытается себя реализовать. Я читал там:

«Если бы действительно в основе стоял только вопрос о пользе, то пусть дарвинисты нам объяснят, почему для этой цели неравномерное, светящееся красочное пятно на одном из листьев, которое возможно произвести без особых усилий, не может подобно вывешенному флагу, так же хорошо привлекать

нвсекомых. Пусть дарвинисты нам объяснят, почему образ соцветия и его краски, разделение его форм так полно соответствуют нашему человеческому желанию красоты, хотя фасетные глаза насекомых, которых они должны привлечь, этой красотой наслаждаться не могут? Захочет ли дарвинист нам объяснить, почему старейшие растительные и животные предшественники, одноклеточные, в замечательных искусственных формах формируют своё протоплазменное тело, не смотря на то что они сами не обладают органами чувств, чтобы воспринимать красоту себе подобных и, независимо от этого, все эти замечательные искусственные формы (например радиоларии) этот комочек протоплазмы, не могут сделать их важнее в борьбе за выживание.

Нет, нам в громадной полноте предложены доказательства, позволяющие опровергнуть теорию Дарвина. Предварительно мы удовлетворимся тем, что опровергнем утверждения, что польза была высшим законом формообразования. Совсем наоборот видим мы, что высшим законом всех живых существ является осуществление красоты явлений в смысле нашего человеческого желания красоты. Причём это живое существо становится красивее не в течении процесса развития, чем выше оно развито, тем быстрее оно будет в состоянии радоваться своей красоте и красоте себе подобных, то есть уровень, где красота в явлении смогла реализоваться, зависит от совсем других обстоятельств. Мы вправе научно утверждать, что любое живое существо настолько красиво, насколько смертельная опасность в борьбе за голое выживание его сформировало, и это является причиной того, что мужские особи некоторых видов животных отличаются разноцветным оперением, в то время как женские носят незаметную защитную окраску.»

Появление этого желания красоты и гармония с восприятием красоты человеком, напоминает нам, уже ранее рассмотренную гармонию принципов существования - разумное познание, объём, время и причина.

Но человек не ограничивается простым восприятием красоты, им издавна движет желание красиво обустроить свою окружающую среду. Желание красоты не является единственным желанием рядом с желанием самоохранения в человеческой душе. Матильда Лудендорф ставит желание красоты к гениальному сохраняющему смысл зарождению желаний и пробуждению желаний в человеческой душе, которые в мире Канта не являются необходимостью.

В человеческой душе они воспринимаются как тоска и желание, тоска и желание по добру, правдивости, красоте и любви.

М. Лудендорф пишет об этом:

«Эти своеобразные желания... стоят так часто и так выразительно в противоречии с желаниями (человеческими побуждениям) самосохранения, например инстинкт размножения и продовольственный, да, они представляются им такими своеобразными, бессмысленными и проявляются, поэтому в совершенно другой области нежели остальные желания, что человек их уже заранее предвидел приходящими из совершенно другого мира. Эти чудесные желания были родоначальниками всех религий, которые углубляли культ души.»

Это немногословная константация, что гениальные желания происходят из другого мира, оказали на меня тогда глубочайшее впечатление. Я запечатлел для себя, что они носят отличительные знаки: независимость от любых условий, от любой цели и принуждения, которым подвержен материальный мир. Таким образом мне стало ясно, что любое переплетение с каким бы то ни было смыслом, разрушает гениальный характер этих желаний. Они обладают своей «Ценностью», если так можно сказать, только тогда и в том, что они в саможелании могут осуществляться. Добро из доброго желания, а не из расчёта («за то, чтобы ты долго жил на земле...»), правда, только из желания правды, красота из желания красоты. Свобода от любой, как бы хорошо она не была задумана смысловой связи, сохранение не смотря на пользу или ущерб, только так они могут быть восприняты и осуществимы.

Моральный выбор состоит в том, чтобы добро из доброго побуждения творить, это произвело на меня тогда глубокое впечатление. Моральный выбор становится обязанностью и причём вполне естественной, добровольно выполняемым заданием приносящим удовлетворение.

Мне стало ясно, что морально выбирающий не задумывается о выгоде, признании, благодарности и не косится на поощрение, и , что моральный уровень в мире глубоко занижен из-за христианского поощрения и штрафной морали, что в человеке делается выбор против желания быть хорошим, если это увязать с представлениями о поощрении и наказании (« чтобы ты на лжи не попался»). Так как это противоречит смыслу сохранения существа гениальных желаний. Их отличительной чертой характера является то, что только

свободные от любого целенаправленного мышления, гениальные желания в полной свободе могут быть восприняты и совершенно добровольно осуществляться. Матильда Лудендорф говорит о них:

«Гениальные желания пронизывают всю нашу духовную жизнь и не позволяют себя по рабски связать с одной из способностей нашего сознания, но каждое из них избрало себе излюбленное местечко на которое оно влияет. Мы можем также сказать, что эти замечательные желания, для каждой из этих способностей принимает другую окраску, и поэтому мы выбираем различные слова для этой окраски.. Так заимствует желание правды - нашему мышлению, желание добра - нашему выбору, желание красоты - нашему восприятию и желание гениально направленной любви и ненависти придаёт нашим чувствам-окрыляющую силу.

Так как тайна этих желаний и их восприятий в душе, сохранена во времени, в объёме и в законе о причине и действии проявляет своё влияние, мы можем сказать, что она стоит по ту сторону форм разумного мышления, с помощью, которой мы понимаем явления Вселенной и, которые в этих трёх формах упорядочены. Только так можем мы осознанное восприятие этих желаний на законном основании назвать восприятием «потустороннего», в отличии от восприятий, которые подчинены разумной форме мышления. Это было бы тогда «восприятие по эту сторону».

На этой стороне, где мы живём физически, человек единственное живое существо, которое обладает проснувшимся сознанием и может сознательно применить три принципа познания. Если я вам объясняю теорему Пифагора¹, мы находимся, естественно, по эту сторону существования, если же я сяду за пианино и буду вам играть Моцарта, Шумана или Шопена, я могу вас увести в потустороннее, но куда вы можете только в результате своего восприятия следовать. Если вы в ясном сознании следуете за мной в этот мир замечательной гармонии, то вы обладаете сознательной частью божественного восприятия создателя искусного звучания и ваше сознание расширяется до божественной сознательности. Вы пребываете в потустороннем мире, сознательно воспринимаете типичные особенности божеского, становитесь сознанием существа явления, божества. Это есть то, что Матильда Лудендорф называет гениальным восприятием, ощущением бога, и под этим названием

¹ В прямоугольном треугольнике квадрат лежащий против гипотенузы **С** равен площади квадратов двух прилежащих катетов **А** и **В**.
То есть $C^2 = A^2 + B^2$

хочет знать и понимать. Это, стало быть, совершенно естественно и в этом нет ничего мистического.

Если мы захотим философию Матильды Лудендорф поставить в один ряд с другими объяснениями и толкованиями разясняющими мировые явления, к которым также принадлежит религия и материализм, где нашла бы она своё место?

На одной стороне находится материализм, к которому принадлежит и марксизм. По его понятиям существует только материя. Но так как и материалист не может отрицать наличие гениальных желаний, к примеру красоту, реальность, добро, то он объясняет их как «испарение» материи, действующее целенаправлено в борьбе за выживание. Божеское для материализма мертво.

На другой стороне стоят религии со своим персональным богом: он всемогущим, всезнающ, и всеравен. Религии допускают возникновение материи из не материальных причин, но и они подчиняют гениальные желания и их стремление в человеческой душе, целенаправленному мышлению. Они вообще подчиняют всю духовную жизнь своим представлениям о жизни после смерти. Чтобы попасть не в ад, а в рай, стать частью вечной души, человек не должен плохо говорить о своём ближнем, не желать жены ближнего своего и его богатства, и прежде всего богу и его проповедникам оказывать послушание. Им преподносится мораль, которая предвещает награду и угрожает штрафами. Это отнюдь не мораль, а чистое целенаправленное мышление. Смысл заключённый в этой морали основан на том, что и религии являются далеко идущими ростками разума точно так же как и материализм. Но разум не может в области сути явления, то есть о божестве, делать свидетельства и приводит к неизбежному заблуждению. Уже английские дейстенисты 18 столетия думали по этому поводу: если бог всемогущ и всезнающ, и допускает зло, тогда он не может быть всеравным. Если он всеравный и всемогущий, и допускает зло, тогда он не может быть всезнающим. Но если он всё же всезнающий и всеравный, и несмотря на это всё же допускает зло, то он не может быть всемогущим. Христианское понятие Бог содержит неразрешимое в себе противоречие и поэтому не может сохраниться.

Только одно во всех религиях бесспорно: основополагающая точка зрения, что бог является существом явлений, создание мира – это есть божье творение.

Все философии, объясняющие мир, вынуждены исходить из интуитивного априорного высказывания или предположения. Так как все последующие вопросы приводят в тупик и заканчиваются в последствии принятием постулата. Ставится вопрос, является эта основополагающая точка зрения верной или же ошибочной.

Философия Матильды Лудендорф начинается очень своеобразно, с предложения:» В начале было желание Бога к осознанности.» Это высказывание по Канту нельзя проследить дальше , **откуда** же это желание происходит. Ведь это желание ещё не стало явлением, и оно не может быть разумом и его способностями постигнуто до тех пор пока оно не станет реальным явлением. Такое высказывание как познание может быть только интуитивным, так сказать в результате гениальной созидательной идеи, в результате гениального восприятия, которое в становление миротворения духовно воплощается.

Основополагающая интуиция Матильды Лудендорф: «В начале было желание Бога к осознанности», сразу же приводит к предположению целеустремлённости созидания. Эту целеустремлённость доказывает нам действительность шаг за шагом. Каждая ступень в эволюции, это есть новый шаг приближающий к созданию сознательного живого существа. Эта цель достигнута с появлением человека с его проснувшимся сознанием.

Смысл человеческой жизни, по мнению Матильды Лудендорф, это не только развивать и использовать проснувшееся сознание, со всеми его способностями к познанию мира явлений, но и гениальные желания в душе осознанно воспринимать и хотеть. Человек способен не только полностью развить разум, но и восприятием гениальных импульсов мотивировать свой выбор.

Матильда Лудендорф делает нам понятным в своих познаниях бога, что гениальные желания, типичные особенности одной персоны, неотъемлемая часть его божеского характера, являются сутью явлений. Они сохранены по эту сторону и происходят из, так называемого, лучшего потустороннего мира. Так как человек есть единственное живое существо, которое может сознательно касаться в своей душе этих гениальных желаний не только пассивно, но и активно, то его сознание становится единственным местом, где гениальные характерные черты могут быть сознательно восприняты и исходя из этого могут осознанно превращаться в явления.

Таким образом, человек может быть не только сознанием мира явлений, как об этом уже давно говорит философия, но и сознанием существа явлений, единственным сознанием существа явлений. Силы для этого приходят из «Я» человеческой души.

Я уже преподнес вам некоторые мысли Матильды Лудендорф, которые она приобрела не в результате размышлений. И если это высказывание для вас является новым и необычным, то вы спросите: «Как же она к этому пришла?» Ответ гласит: «Через интуицию!» Что, естественно, сразу же вызывает вопрос: «Что такое интуиция?»

Так как понятие интуиция в философии часто применяется, заглянем сначала в словарь философских обозначений.

«**Интуиция**» по латыни, 'intueri', «осмотр, рассматривание».

Рассматривание в смысле непосредственного, целостного чувственного восприятия в отличии от беглого наблюдения или абстрактного созерцания.

В противоположность к рефлексу, **способность единое целое с его звеньями в одном акте легко понять, охватить, существо предмета, суть положения вещей, структуру взаимосвязей, идею предмета понимать и просматривать..**

По мнению Шопенгауера, интуиция есть 'живое рассматривание.' В новой, особенно в научной духовной психологии, интуитивное познание противопоставляется индуктивно приобретённому. Для Клагеса, интуиция является противоположностью

разума, и лежит на стороне души, С.Г. Юнг тоже отличает её от мышления.

Большую роль играет она в жизненной философии. «Это есть новое направление философии, которая в противоположность к сознательной философии, исходящей только из основополагающего предметного мышления, исходит из восприятия духовных жизненных феноменов.»

(Джон Хофмайстер: Философский словарь. 1955. стр. 336)

В Брокгаузе мы находим:

«Интуиция, это непосредственное становящееся реальностью положение вещей в своём существе без того, чтобы сознательное мышление привело к нему. В философии интуиция служит доступом к познаниям, которые в результате мышления и смысла заключений из опытов, постичь невозможно.

В отличии от внезапного озарения, интуиция, которая в большинстве случаев сопровождается чувством высокой вероятности и удовлетворительной догадкой решающего прироста знаний, сопровождаемая пронизательностью во взаимосвязи реальных впечатлений, или есть разрешение научных, технических, художественных проблем как направленная интуиция особого значения в методах созидательного разрешения проблем.»

В заключении мы читаем в философском словаре Бругера:

«Под интуицией понимается не рассмотрение в привычном смысле слова, а вершины достижения знаний, которые действительно или предположительно в своей недостижимости и полноте приближены к духовному рассматриванию. Подобное приближение частично присутствует при совместном созидательном рассмотрении больших взаимосвязей, которое у некоторых к этому особенно предрасположенных людей, вдруг неожиданно проявляется. Этой интуиции, как правило, предшествуют длительные размышления, связанные непосредственно с предметом и она должна быть в дальнейшем в результате методического мышления обоснована.»

Другими словами: Интуиция должна соответствовать и разумным принципам.

Матильда Лудендорф в своей в 1923 году опубликованной «Истории созидания», описала на основе философской интуиции жидкий кристалл, который своими способностями формирует переходную ступень от неживой к живой природе. Точнее сказать от бессмертия к смертным одноклеточным созданиям. По своему построению этот кристалл принадлежит ещё к миру жидких кристаллов, но подобно предварительным ступеням жизни, обладает так же как и они направляющей и формообразовательной силой, чтобы сохранять и утверждать свои формы. Но далеко за его пределами в нём сказывается избирательная сила, которая в объединении с направляющими и формообразовательными силами, снабжает его желанием самосохранения. Этот жидкий кристалл может в результате своей избирательной способности

вступать в связь например с молекулами белка и вызывать изменения в живых организмах.

Двенадцать лет позже (1935) американский биолог Вендел Мередит **Станлей** в университете Беркееле открыл первый вирус, так называемый табачный вирус. Вирусы, это особи, которые стоят между живой и не живой природой и в равной степени принадлежат одной и другой. В результате этого в естествознании до сих пор спорно, можно ли причислить вирусы к живым микроорганизмам или нет. Но признаки того, что они всё же принадлежат к микроорганизмам, получает всё большее подтверждение.

Естественно Матильда Лудендорф обладала обширными научными знаниями, но она не ломала себе голову над научной проблемой создания жизни, она углубилась в вопрос как смерть пришла в созидательный мир. Уже во время своего обучения во Фрайбургском университете в ней пробудился этот интерес. Лекции профессора Вайсмана о Десцендентской теории и его предложение о потенциальном бессмертии одноклеточных, оставили в ней неизгладимые впечатления. Она преподносит в своих воспоминаниях собственные слова Вайсмана:

«Я вам говорил, что одноклеточные размножаются в результате своего деления. Из этого следует, что они не могут обладать естественной смертью, если бы они ею обладали, то этот вид, в результате старения индивидуума, должен был вымереть, но этого не происходит. Две дочери, которые в результате деления инфузории надвое образуются, не отличаются в своей жизнеспособности, каждая из них обладает равной способностью в результате деления снова удвоиться, и так продолжается дальше, как мы видим без ограничения во времени. Одноклеточные, таким образом, от природы лишены смерти...Их организм постепенно не изнашивается в том смысле как изнашивается наш собственный организм и всех остальных многоклеточных в результате деятельности органов, то есть продолжает функционировать.

Наш организм стареет и не может оставаться жизнеспособным, у одноклеточных же старости не существует, и смерть в нормальном развитии не присутствует. Одноклеточные обладают в определённой степени бессмертием, то есть их можно уничтожить через внешнее воздействие, изнуряющую жару, яд, раздавливание, могут быть съедены и.т.д., но часть индивидуумов любой эпохи избегнет этой участи и будет существовать дальше.

«Если я здесь полностью привожу слова большого учёного, то это происходит не только из чувства благодарности за его глубокие знания мимо которых большинство людей слепо проходят, и которые настолько просты, что не возможно понять как их можно было не замечать раньше, но вместе с тем только не спящее око человека создателя может их впервые воспринять. Нет, не только благодарность побудила меня к этому, но и чудовищной силы давление, которое оказали на меня его слова.

Я ещё помню, что я сидела в предпоследнем ряду возле окна и в ряду передо мной сидел представитель католического духовенства и усердно записывал. Каждая подробность неизгладимо запала мне в душу. Я почти испугалась чудовищной силе прояснившегося сознания. Здесь лежит путь к последним загадкам, которые издавна окружали людей. Я понимала это с чудовищной ясностью.

Я была глубоко возбуждена, что даже опасалась, что окружающие это заметят, была рада, что после этих слов лекция вскоре закончилась и в этот день уже не могла больше присоединиться к другим прослушиваниям. На одиноком пути, шаг за шагом поднималась я к излюбленной высоте, которую из толпы можно было стремительно достичь. О! Эта чудесная ясность, эта сверхясность, не покидала бы она меня, я так тосковала. Но дальше этого понимания, что здесь открывается путь к святым загадкам жизни, проникнуть я не смогла, так как в результате «размышления» от этой светящейся ясности что то отделить не удалось.»

Почти два десятилетия потом были зачёркнуты, пока из этого впечатления потенциального бессмертия сформировались знания, что желание бессмертия является большой движущей силой в истории развития.

Здесь было введение необходимости смерти, неизбежности смерти, которое привело к интуитивному признанию, там были размышления о введении возможности умирания, возможности смерти, которые Матильда Лудендорф как интуитивное знание представляет, что *в результате угасания избирательной силы в живом организме, в мир вступает смерть.*

Интуиции, естественно, с неба не падают. Но это не только одна умственная деятельность над научным вопросом, но и по крайней мере в равней степени глубокое внутреннее сплетение предпосылок для интуиции, нарушение покоя,

которые вместе с высокоразвитой способностью думать и с неподкупным желанием правды, ведут к познаниям.

Естественно бывают и фальшивые интуиции. Фальшивая интуиция рано или поздно несомненно проявится в реальности как беспочвенная фантазия. Настоящая интуиция отличается от фальшивой тем, что она не противоречит законам мышления, и приводит разум на истинный путь, действительно истолковывает феномены и без осложнений упорядочивает их в области неопровержимых знаний. По этому случаю известен сон Кекулеса в 1865 году, в котором он видел шесть атомов углерода танцующих в кругу, и в результате которого определил химическую структуру бензола.

Столько об интуиции и разуме.

Уже только одно утверждение Матильды Лудендорф, что существует ещё другая познавательная сила, а, именно, восприятие собственного я, вызвало много напрасных загадок. Сохранившиеся произведения искусства народов, часто молниеносная, но лишь позже в экспериментах и ряде опытов подтверждённая интуиция крупных учёных, но и простое восприятие красоты, огромное восхищение появляющееся при любовании звёздным небом, всё это нашему разуму объяснить не возможно.

Естественно нам помогают воспоминания, помогает разум объяснять происходящие в настоящем события, но улыбку в глазах, доброжелательное или шутовское выражение уголков рта – не воспринимаем ли мы это прежде всего в результате восприятия собственного «Я» и меньше разумом? Верным это становится, когда мы внедримся в «высшие» регионы жизни. Можно ли любовь постигнуть разумом, не ощущаем ли мы ненависть почти физически, когда она бьёт нам навстречу и если разум ещё даже не имел возможности это установить? Гениальные желания, а точнее идеи доброго, реального, красивого и т.д. не отдалились ли они от разума и только в результате восприятия становятся ощутимыми.

Если мы задумаемся, что же является содержанием нашей человеческой жизни, что мы бы тогда смогли назвать?

Успех, слава, почёт, признание? Как бы приятными они нашу жизнь не делали, они нам не подарены и имеют свою определённую цену, они связывают нас целью в мире и угрожают нас с головой, полностью поглотить. Они стоят нам

добрую часть того, что мы так высоко ценим, а, именно, свободы. Они с лёгкостью делают из нас рабов.

Матильда Лудендорф обращает наше внимание что:

«Люди могут и без восприятия бога внешне очень успешно выстоять борьбу за своё существование! Способности сознания становятся (тогда) почти безраздельно господствующими.

Да, матовое нравственное восприятие и матовое восприятие бога всегда будут к себе привлекать и составлять большую часть деятельности и способности сознания. Далёкие от бога и безнравственные люди очень часто становятся умственными акробатами. Они есть так называемые «интеллектуалы», которые даже не видят границы разумного познания и чувствуют себя счастливыми во всех областях жизни применяя разум и только его. Они достигают «цивилизованно» порой крайне необычного. Но их глубокие заблуждения в области восприятия бога, действуют на них и других душеубийственно.» (Душа народа и формователи её власти С. 428)

Как бы не была тяжела борьба за наше существование, работа которую мы должны преодолеть для страхования нашего существования, никто у нас этого задания не отнимет, так же ясно стоит у нас перед глазами, что только потусторону борьбы за существование начинается настоящая жизнь и восприятие души. Для нас не может быть образцом ни добросовестный борец за существование, ни рассудительный ничтожный фанатик. Возьмём же руку созидателя культуры, который во всё обновляющейся интуиции, ведёт нас в мир гениальности и прозрения к божескому. Чудеса и красота созидания, произведения кисти, красок, резца, слова, но и восприятие людей, родительская любовь, благородство человеческой души, гордое сознание ответственности – это всё изобилие интуитивного душевного восприятия, которые придают нашему человеческому существованию наивысшее удовлетворение духовных потребностей.

В этом восприятии нашего «Я», которое является ядром силы нашей души, заключён смысл человеческого существования, и именно тогда, когда желания и выбор человека стоят в полной гармонии с гениальными желаниями к добру, правдивости, красоте, родительской любви, гордому благородству и направляемые гениальными желаниями любви и ненависти.

В самом начале я сказал, что познание бога, это на синтезе, на созвучии, на единстве разума и интуитивного восприятия, основывающееся расширение наших знаний. Я добавлю к этому, далеко за его пределами оно является указателем пути для восприятия гениальных божеских желаний и для построения жизни в её смысле.